

— Тебе нравится?

Я яростно закивала головой.

— Просто есть вместе?

— Да, я хотела бы, чтобы так было всегда.

Кин прожевал хлеб и снова задумался. И все же мне это нравилось. Есть с Кином было не одиноко, не страшно и очень комфортно. Я хотела бы, чтобы так было каждый день.

Но я уже думаю о расставании с Кином. Если Кин узнает, он может обругать меня за холодность и недружелюбие. Но это был мой способ выживания. Я должна была подумать о расставании заранее, чтобы мне не было больно.

Я должна была больше наслаждаться счастьем этого дня. Чтобы у меня остались хотя бы эти счастливые воспоминания, когда рядом со мной никого не останется. Я должна как следует запомнить сегодняшний день и эти чувства, чтобы со временем память о них не стерлась и не потускнела.

Нужно запомнить каждую деталь сегодняшнего дня, как будто записываю его в дневник.

Съев весь хлеб, мы начали болтать с Кином о разном.

— Когда заберут пустую миску?

— Когда у горничной есть время, она приходит и забирает посуду. Иногда она забирает ее перед ужином.

Я немного нервничала, когда показывала ему, как ем, но теперь мне было не так стыдно говорить об этом. Может быть, потому что, как мне кажется, я уже все ему показала или, может быть, я уже и так опозорилась, сидя на полу, рыдая. Или, может быть, просто мне достаточно комфортно с Кином, поэтому я чувствую, что все в порядке. Я не знаю почему.

Я присела на корточки рядом с Кином, и мы начали болтать. А потом Кину уже пора было уходить.

— Мне пора идти.

Я хотела схватить его, но не сделала этого. Вместо этого я его спросила:

— Ты придешь завтра?

— Да.

Я вышла раньше Кина и огляделась. Поблизости никого не было. Это случилось только во второй раз, но мы с Кином уже привычно подошли к дыре. Ему не понравится, если я снова попрошу прийти его завтра? Когда я разговариваю с Кином, мне не хочется спать, но, когда я прошу о подобном, мне начинает казаться, что я стремительно уменьшаюсь. Я хочу, чтобы он подтвердил мне это, но думаю, что, если осмелюсь спросить его, то почувствую, как съеживаюсь.

Кин заколебался и осторожно взял меня за руку, покраснев.

— Я вернусь завтра.

— ...

Рука Кина, которая слегка касалась тыльной стороны моей руки на случай, если у меня болит ладонь, была мягкой. Я поняла, что он только кажется суровым.

Я запоздало ответила «хорошо» и широко улыбнулась.

— Пока.

Кин кивнул, когда я попрощалась. Он неохотно исчез в листве. На этот раз я отвернулась, потому что не хотела видеть, как Кин уходит.

«Моя комната, нет, мой дом».

Я никак не могла привыкнуть к тому, что меня оставляют одну в комнате. Но я чувствовала, что остаток дня смогу провести с комфортом. Я легла на кровать и обняла подушку. Сегодня я плакала не одна. Кин успокаивал меня, как эта подушка.

«У меня и правда есть способности или он пытался меня утешить?»

Похоже, что в этот раз Кин не врал. Тем не менее, мне почему-то не хотелось идти к маме.

«Самая большая ошибка в моей жизни — это ты...»

Я так и останусь ошибкой, даже если у меня есть способности? Возможно, сейчас мне лучше найти оправдание, почему я не знала о своей слабой способности.

С какого-то момента я ничего не могла сделать, если ясно не видела, к чему это приведет в будущем. Из-за этого я не могла побежать к маме. Самая большая угроза для меня – неопределенность. Как глупо.

— Завтра, я скажу ей об этом завтра.

Вот что я решила.

И сегодня Дайкин благополучно вернулся домой.

— Я сошел с ума.

Как только Дайкин вернулся к себе, он упал в кровать и уткнулся лицом в подушку.

— Я сошел с ума, раз сделал ей предложение.

Я даже не знаю, нравится она мне или нет, но сделал ей предложение и даже потребовал дать обещание.

Но он совсем не жалел о том, что сделал.

«Что еще я мог сказать, когда она смотрела на меня такими глазами?»

Если кто-то в этом и был виноват, то только его разум, который не смог устоять против Эйли. Она тут была совершенно ни при чем. Вся проблема была в том, что он сошел с ума.

Дайкин поднял голову, мысленно ругая себя.

«Мне нравится есть с тобой даже больше, чем когда я получила браслет...»

Он лег на спину, уставился в потолок и вспомнил, что тогда случилось.

«Тебе нравится синий пирог?»

Под «синим пирогом» он имел в виду пирог из черники, но его отец всегда его называл именно так, поэтому это название само собой всплыло в его голове.

«Если тебе кто-то понравится, испеки ей голубой пирог. Какой еще аристократ пойдет на кухню и приготовит еду для своей любимой?»

Его отец рассказал ему свой тайный рецепт. Он не умел готовить другие блюда, но в этом был уверен, потому что этому его научили.

Он в первый раз готовил для кого-то, но завтра он должен сделать свой лучший синий пирог и отдать его ей. Для этого нужна практика.

Дайкин встал с кровати и направился на кухню.

Птички пели свои утренние песни.

Пока кто-то готовил пирог, а кто-то сидел в кровати и читал, Лиззи угрюмо посмотрела на Лейна, готовясь поехать в Академию.

— Эй, ее заперли в доме на испытательный срок, и теперь совсем неинтересно. Что в этом веселого?

— Но было же забавно, когда она тряслась от страха и извинилась, разве нет?

Лиззи фыркнула, словно ей что-то не нравилось, нахмурилась и пробормотала:

— Это было весело, но сейчас очень скучно.

— Завтра будет вечеринка в честь новых учеников. На следующей неделе состоится церемония приема в Академию. Наберись терпения.

Лейн, человек из-за которого наказали Эйли на месяц, невинно улыбнулся и похлопал Лиззи по спине. Лиззи кисло отреагировала на комментарии брата. Лейн мельком взглянул на Лиззи и пожал плечами.

— Если мы еще больше будем издеваться над ней, она убежит из дома. Или, может быть, отец выгонит ее.

— Мы сможем отговорить его.

Лиззи потеряла подбородок, а потом издала странный звук и подскочила со своего места.

— Я не могу. Пойдем поиздеваемся над ней.

— Если хочешь подшутить над ней, у меня есть отличная идея.

Лейн не стал останавливать Лиззи. Более того, он даже предложил ей, как лучше поиздеваться над их старшей сестрой. Глаза Лиззи расширились, когда она послушала Лейна.

— ... Если ты так сделаешь, она совершенно точно не обидится, и ее не выгонят. Зато нам будет весело наблюдать за ней.

— Совершенно верно.

— Ты самый настоящий псих.

— Ты тоже, сестренка.

Они поднялись со своих мест, дружелюбно переговариваясь. Глаза Лиззи и Лейна были полны предвкушения и волнения.

Тук-тук, кто-то постучал в дверь. Взглянув на часы, я поняла, что еще нет и полудня.

Кто это? Горничная? Я собрала посуду от завтрака, который только что съела.

Это Кин?

«Кин всегда приходит после обеда».

Так как мы встречались всего дважды, было неловко говорить «всегда».

Окно было с другой стороны от двери, поэтому я не могла видеть, кто идет. Я думала надеть браслет или нет, но, в конце концов, я спрятала его в закладку. Я поставила книгу на полку и осторожно открыла дверь.

— Кто там?..

— Сестра, у меня к тебе просьба.

Передо мной стояла Лиззи с поникшим лицом. Рядом с ней стоял Лейн с выражением лица, которого я раньше у него не видела.

Мои руки инстинктивно задрожали. Я поспешно спрятала руки за спину, потому что не хотела, чтобы они это увидели. Я с трудом открыла рот, язык не хотел меня слушаться. Послушание — это добродетель, послушание — это добродетель, навязчиво крутилось в моей голове.

— ...Что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Мое ожерелье повисло на дереве, а с моим ростом его не достать... Поскольку ты высокая и худая, то сможешь найти его.

— Ты можешь позвать горничную.

— Я не хочу, чтобы мама узнала. Завтра будет вечеринка, и скоро я поеду в Академию, не хочу, чтобы меня наказывали за плохое поведение. Ты же можешь быстро его достать и принести мне?

Я боялась, что меня будут ругать за плохое поведение.

Мне показалось, что у меня все тело рассыпается, а рот как будто был набит песком. Я не хотела умирать, и мне было приказано сидеть дома и не высовываться весь испытательный срок, а они пытались выманить меня наружу. Мне хотелось закричать: «Что еще вы хотите сделать, чтобы все испортить?». Но я не могла. Я невольно попыталась сжать кулак, но не смогла из-за волдырей на ладони.

— Если ты принесешь ожерелье Лиззи, я скажу родителям, что мы помирились.

Недавно ты смотрел, как мама с папой наказывают меня, а теперь что ты задумал?

Лейн мельком взглянул на меня.

«Теперь ты пытаешься помириться».

Они издеваются надо мной, когда им становится скучно, а теперь они думают, что меня выгонят из дома или я сбегу и пытаюсь помириться.

Глядя на их поведение, мне казалось, что они хотят, чтобы меня выгнали из дома, но, видя, как они останавливают родителей каждый раз, когда что-то случается, становится понятно, что у

них явно нет намерения избавляться от меня.

Им просто нужна игрушка, с которой можно развлекаться вечно. Игрушка, которая не исчезнет даже после их игр.

Я всегда терпела, но внутри я была зла. Я их ненавидела. Я устала от этого, но я никогда не теряла надежды, что они отнесутся ко мне хорошо хоть раз, пока я жива.

Когда над животным постоянно издеваются, они кусают своих хозяев, но почему я все это терплю? Почему я все еще чего-то жду?

— ... Я пойду, где ожерелье?

— Спасибо, сестра! Я знала, что ты мне поможешь!

На лице Лиззи появилась улыбка. Я пошла за ними, стараясь сохранять спокойствие.

<http://tl.rulate.ru/book/52588/1450704>